

Стелла

Лабиринт

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

18+

Стелла
Лабиринт

«Автор»

2026

Стелла

Лабиринт / Стелла — «Автор», 2026

Адам погряз в серых буднях и не может забыть прошлую любовь. Ему является девушка по имени Корнелия, которая уже давно за ним наблюдает. Сильное сходство Корнелии с прошлой любовью Адама, заставляет его последовать за ней в лабиринт. Оказывается наши миры разделяет тонкая грань, которую соединяет лабиринт. Пройдя через лабиринт, главный герой оказывается в другом мире, где учится видеть истинную красоту и ценить саму жизнь. Пробудившись ото сна, он погружается в сказочное приключение: гонка на тележке, бой с гномами, охота за летучей рыбой, прохождение испытаний и долгое чаепитие с новыми друзьями. Удастся ли Адаму вернуться домой? Или он предпочтёт остаться в сказочном мире, где время течёт иначе?

© Стелла, 2026

© Автор, 2026

Содержание

Глава 1	5
Конец ознакомительного фрагмента.	11

Стелла Лабиринт

Глава 1

Лучи, пробивающиеся сквозь листья герани, осветили лицо Адама, заставив его лениво открыть глаза. В тот же миг зазвенел будильник. Его резкий звук превосходил тиканье старинных часов-кукушки, висевших в коридоре. Адам выключил назойливый хронофор, повернулся на левый бок и, укрытый мягким одеялом, словно в коконе, попытался опять уснуть. В это прохладное утро ему совсем не хотелось вставать. Он был даже готов отдать свое любимое кресло ради нескольких часов сна. Но мир вокруг, казалось, решил не давать ему такой возможности.

Адам уже почти провалился в сон, когда со двора донёсся новый источник шума. Соседка Соня, жившая на первом этаже, открыла окно и включила радио так громко, будто сделала это намеренно. Адам укрылся с головой под одеяло и, продолжая лежать, собираясь с новыми силами встречать новый день.

Тем временем на кухне, в уютном царстве ароматов еды и тихих домашних звуков, на маленьком стульчике сидела Лидия. Ее нарядные куклы, словно гости на пышном приеме, пили невидимый чай из крошечных чашечек, наполненных лишь воображением. Рядом с ней стояла бабушка Тома, методично укладывая в оранжевый рюкзачок вещи внучки для школы.

Вдруг взгляд девочки скользнул по гладкому циферблату настенных часов, и в её круглых, как летние черные ягодки, глазах появилось удивление. Она спросила бабушку звонким голосом:

– Бабушка, а почему Адам ещё спит?

– Он должен уже встать. Сходи, милая, позови брата, – велела бабушка.

Она с любовью принялась накрывать на стол и добавила:

– И пусть принесёт мяту для чая.

Лидия отправилась в комнату будить Адама. Она приоткрыла дверь и в полутёмной комнате образовалась тёплая полоса света.

– Ку-ку, доброе утро, – весело произнесла сестра, подбираясь к большому кокону из одеяла. В руках она держала рыжеволосую куклу.

Напевая от лица куклы о прекрасном дне и о том, что пора вставать и пить чай, ведь сегодня важный день, Лидия старалась разбудить брата. Брат не двигался и поэтому Лидия стала петь громче.

Адам наконец вскинул одеяло и ему в нос ударил запах пластиковых волос куклы. Когда же он открыл глаза, то увидел саму игрушку, изрядно потрёпанную. Её волосы распались на отдельные локоны, которые трудно было расчесать, и торчали в разные стороны. Но страшным была не причёска, а улыбка куклы. Она улыбалась, несмотря на свой потасканный вид, будто только что выбралась из джунглей и готова была напасть, как дикарка.

– Бабушка просит тебя помочь, – сказала Лидия.

– Адам, быстрее умывайся и сходи за мятой! Чайник уже закипает! – донёсся с кухни голос бабушки, чьё терпение, похоже, тоже начинает закипать.

Лидия, ловко обогнув сонного брата, быстро слезла с кровати и побежала на кухню к бабушке.

Адам еле поднялся и, зевая, накинул на себя черный плащ. Мысль о том, что ему придется спуститься по деревянным скрипучим ступеням, выйти в холодное мокрое утро и среди колючих зарослей отыскать куст, вызывала чувство уныния.

Лестничная клетка встретила его глухой тишиной, словно стены поглощали звук. Воздух был прохладным, напоённым ароматом старого дерева, пыли и чего-то пряного, как будто в подвале до сих пор хранились прошлогодние травы и сундук с банками засахаренных лепестков роз. Многие жильцы дома, как и бабушка Адама, занимались домашними заготовками, поэтому от каждой двери исходили разные ароматы. Варенья и солений было так много, что ими даже обменивались вместо денег.

Адам шел по старому деревянному полу. Каждый шаг отзывался характерным эхом, будто дом дышит и живёт своей таинственной жизнью. Высокие потолки украшали выцветшие, но ещё различимые лепные медальоны, в которых можно было разглядеть замысловатые сцены: нимфы и грифоны, девы и всадники. Все они будто наблюдали за происходящим внизу. И смотрели на Адама, как на милого мальчика, всё ещё сонного и не готового просыпаться.

Дом и впрямь напоминал кукольное жилище викторианской эпохи. В нем обитали жильцы, неуловимые, как деревянные фигурки из забытых сказок. Они жили тихо, будто не желая нарушить гармонию старинного дома, где время шло иначе, если шло вообще.

У каждого постояльца была своя необыкновенная история, которую благодаря сплетнице Соне знал почти каждый. Если кому-то и удавалось что-то скрыть, то вскоре выяснялось, что за ним уже плетут длинные сплетни, как правило, преувеличенные во много раз.

Особое любопытство вызывала жизнь Адама. Возможно, потому, что в доме обитало много пожилых людей, которым насчитывалось лет примерно столько же, как и винтажному антиквариату. Эти жильцы предпочитали наблюдать за молодым поколением сквозь окна и дверные глазки, лишая себя других радостей жизни, как, например, от посещения городских мероприятий.

И потому, спускаясь по шумной лестнице, Адам отчетливо чувствовал на себе невидимые и любопытные глаза.

Блуждая по палисаднику и осматриваясь в поисках листиков мяты, он подумал об Ане и представил, что собирает их именно для неё. Утренний воздух, наполненный ароматом роз, казался теперь каким-то особенно ароматным, словно в его легкие проникал розово-сладкий кисель. Образы Ани, мелькавшие в мыслях, вызывали радостное, упоительное состояние, от которого на душе становилось теплее.

– Адам! – крикнула бабушка с балкона. – Не трогай эту! На неё коты гадят! Сорви вон ту, что у забора! – она указала на куст мяты, что росла у кустарника пурпурной розы.

Голос бабушки резанул слух, и напоминал Адаму неприятное царапанье вилкой по чугунной сковородке, переходящее в звон бутылки.

Адам, вернувшись в прежнее унылое состояние, крикнул бабушке в ответ:

– Коты везде помечают территорию. И, пожалуйста, говори тише. Нас весь дом слышит.

Бабушка Тома, привыкшая говорить громко из-за многолетнего опыта преподавания в школе, лишь вздохнула. Она представила, как отреагировала бы соседка Соня: наверняка разразилась бы своим характерным «кудахтаньем» или «лаем», и, мысленно усмехнувшись, вернулась к домашним делам.

В это время из окна балкона третьего этажа выглянул дядя Толик. Как обычно по утрам, он достал сигарету и поздоровался с Адамом. Он хотел было перекинуться парой слов и с Томой, потому что они были близкими друзьями, но той уже не было на месте.

Юноша взволнованным голосом поздоровался в ответ, в надежде, что его голос услышит Аня со второго этажа. Он стряхнул маленького зеленого жучка с листика и нарвал пучок мяты. Затем окинул нежным взглядом куст розы, росший возле открытого окна Сони. Из её окна доносился запах кошек и хозяйственного мыла. Соня в это время стирала белье.

Чтобы соседка его не заметила, Адам обошел розовый куст с другой стороны и выбрал себе подходящий цветок. Этот куст когда-то посадила его мама, но юноша всё равно старался не попадаться на глаза Соне, так как ему не хотелось смущать её своим присутствием.

Полукруглый пышный куст с темно-глянцевыми листиками высотой восемьдесят сантиметров пурпурных объемных розеток в утренней росе обвивал каменную стену дома. На фоне всех растений он казался праздничным и особенным, словно был предназначен для королевских дворцов. Адам сорвал ветку, рассыпая с куста прозрачные бусинки росы.

Множество густо-махровых лепестков сумеречной красавицы, соединяясь друг с другом, образовывали пышный, округлый, старинной формы бутон темно-пурпурного цвета, источавший сильный запах гвоздики и цитруса, который нельзя было спутать с другим цветами.

В окне показался силуэт Сони. Адам быстро отошёл за облупившуюся оградку. Привычка выглядывать из окна и смотреть на прохожих для бабы Сони на этот раз оказалась весьма полезной. Она сердито, словно разъяренный бульдог, посмотрела на Адама и крикнула сквозь полупрозрачную кружевную занавеску.

– Что ты тут лазишь!?

Услышав голос Сони, Адам отпрянул, словно его ударило током и машинально спрятал цветок розы за спиной.

– Доброе утро, тётя Соня. Я сорвал пучок мяты для бабушки, ответил Адам.

Мята, что росла в палисаднике была общая, но Соня почему-то присвоила ее себе, как некоторые присваивают незаслуженные награды, или покупают старые значки, якобы подтверждающие их мнимые достижения.

Тетя Соня была мрачная на вид и от неё воняло как от мусорного бачка. Адам не хотел объясняться перед соседкой и, не дожидаясь новых замечаний, вернулся в дом.

– Эй погоди! Стой, тебе говорю! – закричала она, запутавшись в занавеске.

Вспомнив, что на кухне все шкварчало, Соня решила оставить затею бежать за юношей. Ведь сил бежать как таковых у неё и не было. Она вернулась на кухню помешивать бульон и снимать серую пенку, бормоча себе под нос что-то вроде:

«Вот хулиган! Ты посмотри на него! Что из него вырастет...».

Бабушка Тома, услышав голос Сони, сразу закрыла окна, чтобы не слушать её ругань. Её нервной и резкий голос проникал буквально во все стены и щели дома. Толик тоже спрятался, чтобы не накликать на себя чужую беду.

Такую женщину можно было пожалеть, и некоторые её жалели. Она косила на один глаз, жила одна и немного прихрамывала. Отвечала всегда злобно, а иногда насмешливо. Но после одной встречи Адам считает её больше чудаковатой старушкой.

В тот день он ее увидел в образе ехидной феи. Соня была в розовом халате и пахла едкими цветочными духами, запах которых был слышен за километр. Она была по-своему весела, и стояла в палисаднике рассматривая себе через маленькое зеркальце. Когда Адам поздоровался, соседка вместо приветствия спросила его:

– Как я выгляжу?

– Как и всегда, – ответил Адам, удивившись её вопросу.

– Что? Не понимаю, – повышенным тоном спросила, она.

– Вы замечательно выглядите, – ответил смиренно Адам, отворачивая взгляд.

– Врешь!

– Говорю правду.

– Ну что, тогда выйдешь за меня? – усмехнулась она.

Адам оторопел и решил после этих слов скрыться. В догонку ему смеялась громко Соня. С тех пор Адам обходил Соню стороной: дожидался, когда та, подобно Церберу, охраняющий дом, скроется у себя в пищеде.

Адам подошел к двери квартиры, где жила Аня и, приложив зелено-серый стебелек цветка к темной дверной ручке, обвязал его вощеным шнуром, который у него залежался в кармане. За дверью слышались голоса. Аня спорила с мамой. В её интонации чувствовалось

возмущение. Оставив затею позвонить в дверь, он вернулся на лестничную клетку и начал медленно подниматься на свой этаж, все ещё прислушиваясь.

Внезапно дверь открылась, и Аня вышла на лестничную клетку. Заметив Адама, она ему улыбнулась:

Адам заметил перемены: она перекрасила рыжие волосы, и теперь её локоны отливали гранатовым цветом, словно темно-красное пламя.

– Привет.

– Привет, – смущённо ответил он, опустив взгляд на ступени.

Неожиданно со стороны лестницы появился маленький старичок - профессор Степан Львович. Он тихо и неспешно поднимался. Насколько было известно Адаму, Степан Львович был учёным, с которым не стоило спорить. На вид ему было далеко за восемьдесят, а то и за девяносто; и он жил в соседнем доме.

На профессоре был серый учительский костюм и квадратные очки, скрывавшие цвет глаз. В костистой руке он сжимал светлую деревянную трость, как точное продолжение его руки. На его квадратной головке серебрились пушком волосы, напомнив Адаму цветочную лужайку с крошечными белыми цветочками.

– О вот вы барышня, как раз мне нужны, – обратился старик к Ани.

– Вы играете по ночам на скрипке и мешаете мне работать! – в повышенном тоне заявил старик. От вашего жужжания у меня уже голова квадратная.

В его хриплом, при этом, сильном голосе чувствовалась твердость характера.

– По иронии судьбы голова профессора из-за расположения волос, а именно из-за их объёмности по бокам, казалась квадратной, что не могла у каждого вызывать тихое умиление.

Аня растерялась, но Адам вступился:

– По-моему, она прекрасно играет.

– Я не сомневаюсь в её таланте, – смягчился профессор. – Но лучше бы это было днём.

Адам на миг задумался. А ведь и он тоже ночью не спал из-за музыки Ани. Но в отличие от профессора, он сидел на балконе и наслаждался до последней мелодии. Из-за этого ему тяжело было встать утром.

– Где твои родители? Я могу с ними поговорить? – спросил профессор и неспешно, как старая черепаха, повернулся к Адаму. – А вы следовательно, ее молодой человек?

Адам с обеспокоенным видом в ответ помотал головой.

Аня ничего не могла ответить, и при этом боялась посмотреть в глаза старика.

Профессор увидел что-то на двери: то ли шнур, то ли случайно занесенная ветром ветку, которую непременно нужно убрать. Он подошел ближе и увидел фиолетовую розу.

Аня взглянула на Адама и робко ему улыбнулась. На ее лице появился легкий румянец.

– Надо же. Прелесть! – произнес он с ударением на последний слог.

Адаму было известно, что у дома профессора росло немало таких же красивых цветов, мимо которых он проходил равнодушно, но этот цветок почему-то приятно его удивил.

В этот момент дверь отворилась, и в проёме появились родители Ани. Они пристально смотрели на профессора.

– Здравствуйте, а что случилось? – с волнением произнесла мама.

На её лице отчётливо проступили вены, а в голубых глазах читалось смятение, словно она только что пережила смертельно опасный ураган.

– Здравствуйте. Ваша дочка играет по ночам. Я живу в соседнем доме, и мне всё прекрасно слышно, – ответил профессор.

– Да-да, Степан Львович, – поспешно подхватила мама, строго взглянув на Аню и обратилась к дочери. – Слышишь, уже люди возмущаются. Тебе разве мало дополнительных занятий?

Девочка выглядела беззащитной, словно забитый котёнок, которого окружили недовольная мама и злой профессор.

– Понимаете, она учится в музыкальном училище и иногда тренируется в ночное время. Я уже не раз делала ей замечания. Примите наши извинения, ради бога!

– Благодарю. Надеюсь, этого больше не повторится, – ответил спокойно профессор, внимательно рассматривая женщину, словно перед ним стояла прекрасная нимфа.

– Конечно. Не повторится, – ответила мама и подошла к Ане, когда профессор стал неспешно удаляться.

– Слышишь, другие соседи уже возмущаются. Тебе разве мало дополнительных занятий?

– Но ...

– Так, беги на учебу, – сказала мама, не дав Ане договорить, и важно скрестила руки. Ее зеленый джемпер с цветочным узором был единственным радостным красочным пятном для Ани.

Вспомнив про шнурки, Аня принялась зашнуровывать кеды и набравшись уверенности, ответила маме:

– Вот когда я от вас перееду, тогда вы меня не услышите и не увидите!

В этих словах была горечь обиды, которая показалась Адаму тянется уже довольно давно и снова, поднакопившись, выплескивается ядовитым фонтаном на маму. Лицо Ани было уже насыщенно красным.

Вдруг мама заметила розу на двери и только после этого заметила Адама, медленно идущего позади профессора.

– Адам, это твоя роза? – спросила милым голосом мама.

– Да, – кивнул он.

Мама любуясь цветком, встретила взгляд Ани, и, чтобы смягчить эту ситуацию, хотела было извиниться, но дочь её прервала:

– Это, кажется, для меня!

Аня вырвала цветок из руки мамы, слегка оцарапав свою руку.

– Ты не хочешь извиниться? – напряженно сказала мама, передумав смягчить тон.

– Пока нет, – ответила дочь, сдерживая слезы из-за того что сделала только себе больно.

Еще мгновение назад Аня была полна решимости извиниться первой. Но она не заметила, что ситуация вышла из под её контроля. Обида и возмущение, что мама не вправе диктовать и во всём её контролировать, нарастали, словно колющее чувство, которое невозможно было успокоить. По мнению Ани, извиниться первой должна была именно мама.

Адам хотел подойти к Ане, которая уже второпях спускалась по лестнице, держа в руках розу, но по пути его остановил профессор:

– Вы, молодой человек, не проводите меня вниз по лестнице? Там у выхода есть высокий подъем. Мне крайне сложно через него переступить.

Адам удивился тому, как профессору удалось подняться на третий этаж. Он прикинул в уме, сколько у старика ушло на это времени.

По дороге профессор спросил про учебу. Адам нехотя ответил, что учится в музыкальном училище на духовых инструментах и хочет выступать в джазовых клубах.

– Интересно, интересно, – произнёс старик.

Глаза профессора были ясными, в них читалось искреннее любопытство.

Они зашли на дорогу с цветочными клумбами. Профессор был маленького роста и на фоне пышных цветов напоминал садового гнома.

– А Аня? – важно поинтересовался он, осторожно переступая через неровные камни.

– Она играет на скрипке, учится на оркестрово-струнном отделении, монотонно, как заученную фразу, произнес Адам.

– Скрипка и саксафон, какой дуэт! – с лёгкой иронией заметил старик.

– Нет, вы неправильно подумали. Мы не встречаемся, просто раньше дружили, – пояснил Адам.

– Понятно, почему вы её защищали, – кивнул профессор, когда они подошли к входной двери его дома.

Адам окинул взглядом дом-близнец, который почти не отличался от его собственного: те же обветшалые балконы с проржавевшими перилами, потрескавшиеся стены и запахи, которые, казалось, не выветрятся веками.

В доме профессора тоже обитала сплетница, только звали её Нюра, которая выглядывала из окна первого этажа, кидала острый взгляд и колкие замечания в адрес прохожих. Адаму она почему-то казалась ещё опаснее Сони.

Профессор проницательно посмотрел на юношу. Адам не привык долго выдерживать взгляд таких уверенных людей. Он мог смотреть в глаза родных, и то не всегда.

– Спасибо! – поблагодарил старик.

– А моя жена любила Элвиса Пресли, – улыбнулся профессор, обнажая ровные зубы молочного цвета.

Адам улыбнулся в ответ. В эту же минуту он вспомнил, что пора бежать на пары и сказал:

– Простите, но мне пора.

– Беги, не смею тебя задерживать. Но как-нибудь приходи ко мне на чай.

– Хорошо.

Адам вернулся домой, взял бабушкины ароматные пирожки со смородиной и стал собираться на учёбу. Потом с воодушевлением умчался на скучные пары. Встреча с Аней будто предвещала начало хорошего дня. Теперь он мог с упоением предаваться мыслям о ней и продумывать, как снова с ней заговорить.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.